

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ

Дальний Восток, близкая Россия. Вып. 4

Под редакцией:
Валерия Гречко, Хе Хён Нам, Сусуму Нонака, Су Кван Кима

Белград • Сеул • Саитама
2021

ДМИТРИЙ БАДАЛЯН

СПОРЫ О ЗЕМСКОМ СОБОРЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ НЕОСЛАВЯНОФИЛОВ И КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Большинство современных исследователей под термином «Земский собор» («Земская дума») подразумевают единственное значение: общегосударственное сословно-представительное учреждение с законосовещательными функциями, существовавшее в середине XVI–XVII вв. Именно так толкуют его новейшие российские энциклопедии (Назаров 2008; Колесникова 2018). Однако и в XIX столетии это выражение снова стало одним из актуальных политических понятий и приобрело новое значение, точнее — несколько значений.

Сложившееся как устойчивое выражение и, благодаря славянофилам, получившее распространение в первой половине XIX в. словосочетание «Земский собор» во второй половине столетия различными общественными силами связывалось с разными денотациями. Уже к середине 1860-х гг. это выражение вошло в обиход четырех различных общественно-политических группировок. Славянофилы называли так совещательный орган из представителей всех сословий, созываемый время от времени по воле царя, и надеялись продолжить практику таких соборов. В 1882 г. по инициативе И. С. Аксакова министр внутренних дел гр. Н. П. Игнатьев предпринял попытку добиться учреждения Земского собора, приуроченного к коронации Александра III. Однако попытка эта была сорвана усилиями обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева и ряда министров, которых поддержал издатель газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков.

В 1860–1862 гг. появились две «западнические» версии Земского собора. Первыми о соборе заговорили кн. П. В. Долгоруков, А. П. Щапов, А. И. Герцен, М. А. Бакунин и Н. П. Огарев, которые использовали термины «Земский собор» и «Земская дума» то как аналог Учредительного собрания, то в значении парламента. Столь же неопределенны были многие теоретические построения, возникавшие по поводу соборов у социалистов и либералов в последующие десятилетия. В более «либеральных» проектах Земский собор описывался как парламент (в русской публицистике второй половины XIX в. последний термин часто заменяли эвфемизмом «конституция» (Бадалян 2012: 158–163)), а в более радикальных — как Учредительное собрание, т. е. орган, который должен совершить коренные изменения в устройстве страны. Однако то или иное тол-

кование этого термина не стоит считать важным признаком, определяющим различие между деятелями либерального и социалистического направлений.

Четвертая версия Земской думы родилась в 1860-е гг. в статьях и проектах дворянской группировки, называемой сегодня «аристократическая» оппозиция. Она объединяла крупных помещиков, которые добивались создания парламента именно с превалирующим дворянским представительством. В 1880-е гг. «аристократическая» оппозиция, исчерпав возможности, влилась в ряды сторонников парламентской системы¹.

* * *

В итоге, к началу XX в. в различных частях русского общества продолжали обсуждаться три первых варианта Земского собора: совещательный орган, законодательный парламент и Учредительное собрание. В условиях революции 1905 г. это понятие не исчезло из лексики и политических планов либералов и социалистов (Бадалян 2019: 136–137). Однако здесь будут подробно рассмотрены споры о Земском соборе, протекавшие в публицистике другой части общества.

На рубеже XIX–XX вв. одним из активных продолжателей дела славянофилов являлся генерал-лейтенант (с 1907 г. генерал от кавалерии) А. А. Киреев. В силу цензурных ограничений² свои воззрения на Земский собор он впервые смог представить публично лишь на рубеже 1889–1890 гг. в брошюре «Славянофильство и национализм», посвященной спору с трактовкой славянофильства В. С. Соловьева. В ней Киреев разъяснял:

«Предоставляя ведение политики внутренней и внешней государству, славянофильское учение вводит коррективом такого порядка — совет царя с землею посредством совещательных Земских соборов, существующих или постоянно или созываемых “ad hoc” <лат. специально для этого>. <...> Собор земли, по учению славянофилов, существует не для ограничения правящего, а для помощи ему, в качестве верного истолкователя как самого положения дел в крае, так и его настроения, его чувств и мыслей, его желаний, надежд и чаяний; наша государственная формула выражается так: Одна воля (царя) и много умов (совет земли). <...> окончательным идеалом, к которому должно стремиться всякое общество, всякий народ, есть союз *государства* и *Церкви*, т. е. союз государства с элементом, одухотворяющим и освещающим его, *дающим авторитету государства безусловную обязательность*» (Киреев 1890: 18–19).

Эта часть статьи Киреева вызвала возражения тех, кто по своим взглядам находился заметно ближе к нему, чем Соловьев — противников введения

¹ Подробнее обо всех четырех версиях см.: Бадалян 2018.

² Лишь за десятилетие с 1873 по 1882 г. вышло не менее шести цензурных циркуляров, запрещающих рассуждать в печати о Земском соборе как политическом институте. И далее, после неудачной попытки Игнатьева, цензура настороженно воспринимала пропаганду идеи собора вплоть до 1905 г.

в России парламентской системы. Так, в январе 1890 г. постоянный автор «Московских ведомостей» Ю. Н. Говоруха-Отрок говорил о славянофилах: «...они думают, что то, что в древней Руси, единодушной и единомысленной от царя до нищего, было действительно советом земли и ничего больше, может остаться таким точно и теперь». Однако, благодаря избранной на собор интеллигенции, которая «потеряла духовную связь с народом, с его верованиями, с его историческими традициями», уверял Говоруха-Отрок, собор заявит «свое желание госу­дарствовать» и обернется тем же, чем созданные Людовиком XVI Генеральные штаты (Говоруха-Отрок 1890: 4). Такая аргументация была не новой. На гибельный пример французских Генеральных штатов указывал в 1880-е гг. Н. А. Любимов, также являвшийся сотрудником «Московских ведомостей», но Говоруха-Отрок здесь ясно указал на интеллигенцию как направляющую силу будущей русской революции.

Другой представитель славянофилов, Д. Ф. Самарин, вступил в полемику с Соловьевым в цикле статей под общим заглавием «Поборник вселенской правды». По поводу Земского собора Д. Ф. Самарин адресовал Соловьеву лишь несколько строк, объясняющих суть «свободного союза» земли и государства: «Отношения царя и народа определяются: правительству — сила власти, земле — сила мнения. На земском соборе признаются эти две силы, согласно движущие Россию: власть государства и мысль народная» (Самарин 1890: 3). Однако вслед за тем Д. Ф. Самарин сделал примечание, адресованное специально автору статьи в «Московских ведомостях»:

«...не прав г. Ю. Г. в том отношении, что он отождествляет *принцип с формой*, в которой этот принцип проявился в нашей истории: форма изменялась с переменою исторических условий, а принцип оставался. Из того, что форма, которая соответствовала условиям XVII века, непригодна теперь, не следует, что надобно пожертвовать самым принципом, а следует, что надобно для этого принципа найти такую форму, которая удовлетворяла бы условиям нашего времени» (Самарин 1890: 3).

В словах Говорухи-Отрока Д. Ф. Самарин увидел продолжение логики Каткова, который сам принцип совещательного начала считал вредным. Д. Ф. Самарин заключал: «...идеалом Каткова было бюрократическое государство с безгласною землею, а идеалом славянофилов было государство с сильною и нераз­двоенною правительственною властью, но с организованным в той или другой форме общественным мнением земли» (Самарин 1890: 3).

В ответ Говоруха-Отрок заявил, что имел «полное основание отождествить *принцип с формой*, так как сами славянофилы их отождествляли, и до сих пор никто из них никогда не указывал даже на возможность иной формы для *определенного* выражения принципа “единения царя с землею”, кроме формы земского собора». Вслед за тем он с едкостью добавил: «Когда Д. Ф. Самарин укажет иную форму выражения для этого принципа, которая не приведет к “разделению власти” — тогда и можно будет обсудить прав он или нет и возможна ли вообще такая форма» (Говоруха-Отрок: 1890а: 5).

Вскоре в дискуссию вступил еще один публицист из окружения Каткова В. А. Грингмут. На страницах журнала «Русское обозрение» сначала он лишь повторил недавнее суждение Говорухи-Отрока о том, что в современных условиях всякий Земский собор окажется «если не парламентом, то, во всяком случае, тем роковым зародышем, из которого неотвратимо разовьется и вырастет настоящий парламент» (Грингмут 1890: 381). Позднее, продолжая эту мысль, Грингмут поэтапно описал развитие ситуации в случае созыва совещательного собора и возникновения в ходе него конфликта между «правительством» и «народом». Причем, два последних из описанных им этапов во многом соответствуют положению, сложившемуся спустя 15 лет, но отнюдь не в результате созыва Земского собора:

«IV ступень: Представители народа, печать, общество делятся на партии; одни стоят за правительство, другие за “народ”. Все государство приходит в волнение.

V ступень. Правительство, дабы прекратить это волнение, отчасти или всецело (это безразлично), *уступает* народу. Прецедент готов... Затем все следует как по писанному. (См. историю западноевропейского парламентаризма)» (Грингмут 1890а: 884).

Представляя нарастание будущей катастрофы, Грингмут, тем не менее, совершил подмену: в основе славянофильских суждений лежала дихотомия «царь — народ», а он заменил ее на «правительство — партии». Не случайно неославянофил Ф. Д. Самарин позднее подчеркивал: «Сущностью самодержавия вовсе не требуется отождествление самодержца с правительством; напротив, нет ничего вреднее и опаснее для идеи самодержавия как подобное отождествление» (Лукоянов 2005: 35).

Как пишет биограф Киреева М. В. Медоваров, генерал подготовил в ответ Грингмуту статью, но начальник Управления по делам печати Е. М. Феоктистов в декабре 1890 г. запретил ее публикацию (Медоваров 2015). Снова заявить о Земском соборе, причем как о назревшей для России необходимости, Киреев смог лишь в 1903 г. в брошюре «Россия в начале XX столетия», где он настаивал: «Земский собор не имеет ничего общего с парламентом ни по составу, ни по способу созыва, ни по правам, ни по назначению! Парламент *стесняет* волю самодержца, а Земский собор *ее освещает!*» (Киреев 1903: 37). В России брошюру разрешили напечатать только «на правах рукописи»: тиражом 96 экземпляров, один из которых генерал преподнес Николаю II. Список иных лиц, получивших издание от автора, он должен был представить в цензуру. В том же году эта работа была переиздана в Праге с указанием, что она публикуется «без ведома и согласия автора». Киреев утверждал, что за границей ее напечатали по экземпляру, выкраденному у кого-то из тех, кому она была передана автором (Лукоянов 2005: 30). Однако, как предположил И. В. Лукоянов, переиздание записки, по-видимому, «было предпринято самим Киреевым, чтобы иметь возможность более широко пропагандировать свои взгляды» (Лукоянов

2005: 65). Заканчивалась она словами: «...мы переживаем историческую минуту; мы пришли к распутию; мы должны избрать тот или другой путь — или опрокинуться в конституцию, в правовой порядок и погибнуть, перестать быть великою, святою Русью, или — “вернуться домой”» (Киреев 1903: 42).

* * *

С рассуждениями о назначении собора выступил и С. Ф. Шарапов, напечатанный в 1899 г. в Берлине работу «Самодержавие и самоуправление». Этот неославянофил заявлял:

«...Земский собор возможен лишь как венец *упорядоченной* России, а отнюдь не как собрание, *имеющее ее упорядочить*. Спаси Бог Россию от того страшного момента, когда правительство, запутавшееся в собственных ошибках и потерявшее голову, вздумает обратиться к Земскому собору с вопросом, “что делать?” Этот Собор ничем иным не ответит и ответить не может, кроме страшных и вполне заслуженных обвинений преступному пред русской историей петербургскому бюрократическому режиму, и грозой, бессмысленной стихийной грозой закончится обвинение. Это будет повторение того несчастного обращения к стране, на которое решился Людовик XVI. И если нашим монархам даже в самую страшную минуту народного безумия и отчаяния едва ли может грозить что-либо подобное, то России грозит полная потеря ее великого государственного принципа — самодержавия без всякой впоследствии даже возможности его вновь разыскать. Скомпрометированные династии не возвращают ни своего исторического величия, ни народной любви» (Шарапов 1899: 40–41).

Рассуждения Шарапова соединяли в себе прозорливость и непоследовательность: предсказывая опасность для самодержавия, автор не замечал угрозы самому монарху. Он, почти так же как противники Киреева, боялся тени грядущей революции, и также, как генерал, верил в силу собора и испытывал неприязнь к бюрократическому слою.

В 1903 г. Шарапов, исправив в этой работе несколько резких выражений, напечатал ее в Москве, но издание «было задержано цензурой и истреблено постановлением Комитета министров» (Шарапов 1905: III). Сделав еще ряд замен и исключений он все же выпустил ее Москве во время Первой русской революции. Так, вместо напоминания об участии Людовика XVI и судьбе скомпрометированной династии, автор добавил новые строки: «...при нынешнем неустройстве России и <ввиду> полного отсутствия надлежащего выборного для Собора аппарата, Земский собор, явившийся в минуту смуты и падения правительственного престижа, может очень легко стать отражением господствующего озлобления и недовольства и вызвать новую смуту, потребовать себе не совещательного только, но и решающего голоса. Это было бы лишь повторением *États Généraux* <*фр.* Генеральных штатов>» (Шарапов 1905: 24).

Как видим, не отказываясь от заявленной цели, Шарапов, тем не менее, все более внимания обращал на аргументы некоторых противников собора. Тем

не менее, особенность положения Шарапова связана с тем, что среди его оппонентов были и антагонисты Земского собора, и сторонники его. Примером первых являлся издатель газеты «Гражданин» кн. В. П. Мещерский, примером вторых — издатель «Нового времени» А. С. Суворин.

Мещерский известен как противник любых представительных органов, однако и он не избежал колебаний. В мае 1882 г. он писал статьи, поддерживавшие идею Земских соборах, т. к. это было важно министру Игнатьеву, а уже в 1883 г. заявлял: «Я не хочу конституции, ибо она — гибель России; я не хочу собора <...>. Конституция, соборы, все — нелепость, и все стоит сотнями миллионов дороже государству, чем самодержавие; конституция и соборы разорят Россию» (Мещерский 1883: 3–4). Наконец, десятилетия спустя — по воспоминаниям гр. С. Ю. Витте это было в сентябре — первой половине октября 1905 г. — Мещерский, будучи у него, «плакал, уверяя, что Россия погибла и что единственное спасение России заключается в конституции; необходимо дать России конституцию» (Витте 1994а: 559).

П. П. Перцов объяснял враждебное отношение к Земскому собору Мещерского, а также Каткова, Победоносцева и др. консерваторов через присущий им «европеизм»: жизненным принципом Европы является «чистый индивидуализм», и русские консерваторы — индивидуалисты, для которых мир являет собой собрание отдельных личностей. Об этом Перцов рассуждал в опубликованном письме к Шарапову:

«Все “соборное”, говоря “нашим”, славянофильским термином, то есть внутреннее, психическое единение, — для них самое непонятное в мире явление. Отсюда вечное недоверие человека к человеку, которым проникнуты их статьи и их деятельность. Отсюда эта *полицейская* “государственность” Каткова; <...> Для индивидуалиста нет и не может быть другой формы государственности, как *личный* монархизм. Русская идея Царя, как *представителя народа перед Богом*, здесь заменяется идеей Царя (вернее, короля), как *властителя над народом*, хотя бы и “Божией милостью”. И в том, и в другом смысле источник власти может одинаково признаваться божественным, но ее направление будет противоположно; в одном случае это *служение*, в другом *господство*. <...> Славянофилы говорят, что Земский собор есть естественный советник русского царя. Но кн. Мещерский искренне недоумевает — какая связь между русским царем и земщиной?» (Шарапов 1905: 42–43).

* * *

Разгоревшаяся в 1904 г. Русско-японская война ускорила развитие политического кризиса и вскоре в околоставных кругах заговорили о возможном изменении государственного устройства. В апреле этого года министр внутренних дел В. К. Плеве предложил Кирееву с его единомышленниками подготовить проект Земского собора (Медоваров 2013: 113), однако 15 июля сам министр был убит. 11 декабря, по воспоминаниям С. Ю. Витте, тогда председателя Комитета министров, он стал участником разговора о конституции и Земских

соборах между Николаем II и великим князем Сергеем Александровичем. При этом Витте заявил, что собор — «почтенная старина, которая при нынешнем положении неприемлема» (Витте 1994: 319). И уже в начале января 1905 г. он же в споре с тогдашним министром внутренних дел кн. П. Д. Святополком-Мирским «настаивал на необходимости созыва Земского собора <...> для решения только одного вопроса — продолжать ли или прекратить войну с Японией?» (Лопухин 1923: 56).

В это время ситуация в обществе достигла чрезвычайного накала, а после кровавой провокации 9 января 1905 г. (Нефедов 2015) требования Земского собора или конституции уже никого не могли удивить. 12 января 1905 г. делегация руководителей столичных газет вручила Святополку-Мирскому подписанный 12 редакторами адрес, в котором говорилось о необходимости созыва Земского собора: «Собор этот должен состоять из свободно избранных представителей всех сословий и классов населения и пользоваться неограниченной свободой прений и постановлений. Соборы Земского собора должны происходить при полной гласности» (Богданович 1990: 336).

На такие демарши и колебания власти чутко реагировал Суворин. Издатель «Нового времени» был человек еще более противоречивый и склонный к конъюнктурным расчетам, чем Мещерский. Если издатель «Гражданина» только изредка допускал метания между разными позициями, то Суворин в кризисной ситуации проявил не только заметное «полевение», но и сбивчивость в терминологии, отражающей представления различных общественных групп. Либералы и социалисты сознательно совмещали, путали политические понятия³. И он, издатель и журналист одной из ведущих политических газет, возможно не осознанно, проявил ту же склонность. К примеру, Суворин с полным одобрением писал в дневнике 16 ноября 1904 г. о студентах, требовавших «прекращения войны и созыва Учредительного собрания» (Суворин 1999: 476). И в тот же день он отметил: «Говорят, что государыня Александра Федоровна стоит за собрание Государственной думы. Это и надо сделать прежде всего» (Суворин 1999: 477).

20 декабря А. В. Богданович после беседы с Сувориным записала в дневнике: «Сам Суворин не за конституцию. “Избави от нее Бог”, — сказал он. Но он за Земский собор» (Богданович 1990: 325). Через пять дней до нее дошли слухи о намерении Витте провести «конституцию», т. е., как пояснила она, Земский собор «не всесословный, а только из одних земцев, да с известной окраской, которые затем провозгласят его диктатором» (Богданович 1990: 326). При очевидной неточности сообщения, достоверными здесь представляется заинтересованность Витте в Земском соборе и его стремление стать премьер-министром («диктатором»). Подчеркнем: еще через десять дней, 4 января, Суворин

³ «Смешением идей и терминов Учредительного собрания и Земского собора грешили не одни народовольцы. Смешение понятий и терминов, практиковавшееся в текущем столетии, вызывалось явно политическими соображениями: к нему побуждали мотивы тактические» (Вишняк 2010: 114).

заявил, что «у него уже есть написанная статья про Земский собор», но редактор газеты Ф. И. Булгаков «советовал ему пока ее не помещать» и добавил: «все, что касается земского сбора, Булгаков вычеркивает», считаясь с требованиями цензуры (Богданович 1990: 330).

Статья эта увидела свет через 12 дней (из которых неделю, 8–14 января, газета не выходила из-за забастовки типографии). В ней Суворин кратко представил историю древних соборов, связав с ними созыв Екатериной II делегатов Уложенной комиссии и попытку учреждения собора при Александре III. По словам автора, этот император «сочувствовал идеалу самодержавия, стоящего в тесном единении с представителями народа», а помехой собору стало «средостение», т. е. бюрократия. В итоге Суворин заявил: «Я всегда оставался неизменным поклонником этого родного учреждения и остаюсь им и ныне. Я убежден, что новый порядок не должен прерывать своей связи с историей» (Суворин 2005: 218).

Спустя 9 дней Суворин заявил о Земском соборе: «Я в нем только вижу выход из тяжелого нашего положения. <...> Как скоро образуется общественное представительство, образуется и единое и сильное правительство, чуткое к народным нуждам и к своей солидарности между собою и представительством. Мировой престиж Русской монархии поднимется тотчас же» (Суворин 2005: 227). «Единое правительство», о котором вдруг заговорил издатель «Нового времени», это как раз то, к чему стремился Витте, и что ему впервые в России удалось создать и возглавить в октябре того же года. Вероятно, такое заявление прозвучало не случайно, а было скоординировано. Мысли об этом укрепляют и слова Е. А. Динерштейна: «Нуждаясь во взаимной поддержке, Суворин и Витте в критические моменты своей карьеры не раз оказывали друг другу неоценимые услуги» (Динерштейн 1998: 97).

Начиная с января 1905 г. вопросы Земского собора регулярно обсуждались на страницах «Нового времени» (как, впрочем, и большинства иных газет). Не менее 17 раз за первые пять месяцев обращался к ним сам Суворин. Ему вторили такие авторы, как В. В. Розанов и С. К. Глинка-Янчевский. Во второй половине мая 1905 г., после получения известий о разгроме русской эскадры в Цусимском сражении, к аргументам в пользу собора присоединялись слова тех, кто уверял: его созыв — единственный способ узнать мнение народа о необходимости прекращения или продолжения войны. Сторонник последнего, будущий октябрист А. И. Гучков попытался внушить эту же мысль императору в ходе двухчасовой аудиенции (Ганелин 1991: 153). И именно о таком значении собора из номера в номер в это время говорил Суворин, поместив с 18 мая по 1 июня 9 своих статей. Так, 24 мая он писал:

«Говорят, что я проповедую войну. Нет, я не войну проповедую, а проверку народных сил при помощи Земского собора. Я не знаю, за что выскажется Земский собор, но я убежден, что он придаст Государю особую силу <...> Я говорю о Земском соборе, потому что это — самосознание и признание за обществом права на государственную деятельность, на контроль за адми-

нистрацией, на свободный голос о всем том, что творится. Только при Земском соборе может явиться убеждение, что мы или сильны или бессильны, что наш рост — обман или правда. Японцы готовились к войне при парламенте, при свободе печати, при обязательной честности» (Суворин 2005: 318–319).

В этих словах почти все противоречит славянофильскому представлению о власти: и сопоставление собора с парламентом, и идея контроля администрации, и ставка на общество. Славянофилы подчеркивали: Земский собор — выражение мнения всего народа, т. е. нации, а не одной лишь образованной ее части. Собственно, Суворин никогда и не принадлежал к славянофилам, которые в тот момент уже публично проявили свою раздробленность.

* * *

Еще летом 1904 г. Киреев и Ф. Д. Самарин (сын Д. Ф. Самарина) обменялись письмами, в которых изложили свое отношение к Земскому собору. Ф. Д. Самарин сразу заявил, что созыв любого представительного органа в данное время опасен и вреден. Он не видел способа обеспечить исключительно совещательный характер собора и гарантировать, что у его депутатов не возникнет желания ограничить власть монарха. Иначе говоря, Ф. Д. Самарин, также как Говоруха-Отрок, Грингмут и др., опасался перерастания собора в Учредительное собрание. В письме Кирееву 11 июня 1904 г. он подчеркивал:

«В нашем <...> обществе, при полном отсутствии твердых или даже сколько-нибудь определенных положительных политических идеалов, именно господствует отрицательное отношение к верховной власти, как она у нас исторически сложилась, и этим только общество и объединяется в политическом отношении» (Лукоянов 2005: 37).

Особенно опасным Ф. Д. Самарину представлялось создание органа, который мог бы прикрыться термином «Земский собор». Он подчеркивал:

«...все нерешительные, колеблющиеся элементы, все умеренные люди скорее соединятся под флагом Земского собора, чем под другим, более прямо и резко выражающим идею участия народа в государственном деле; да и сама верховная власть, если бы обстоятельства ее вынудили или она сама пришла к убеждению в необходимости подумать о перемене “режима”, тоже, вероятно, скорее решила бы идти по пути, который, по-видимому, устраняет опасность резкого разрыва с прошлым, и сулит даже как будто не расшатать порядок, веками выработанный» (Лукоянов 2005: 37)⁴.

Последующие годы подтвердили опасения Ф. Д. Самарина. «Учреждение Думы, — по словам исследователя церковных провинциальных изданий

⁴ Эта часть переписки Киреева и Самарина стала произведением публицистики: в 1905 г. она увидела свет в харьковском журнале «Мирный труд», затем выпущена отдельными оттисками, а с комментариями Шарапова опубликована в его газете «Русское дело». Наконец, в 1912 г. она была напечатана в составе двухтомника сочинений Киреева.

того времени, — воспринималось как переход от европейских форм правления к традиционным русским, допетровским. Дума осознавалась как аналог Земских соборов. Особенно часто эта аналогия проводилась перед выборами в Думу в 1912 году накануне празднования 300-летия преодоления Смутного времени и правления дома Романовых» (Иов, иеромонах (Чернышев И. А.) 2017: 134).

В январе 1905 г. на Московском дворянском собрании Ф. Д. Самарин заявил об опасности в текущих условиях любых форм представительства. Большинство участников собрания поддержало адрес царю, предложенный Ф. Д. Самариним. В нем говорилось о возможности «надежного устройства» жизни страны «в завещанных нам нашей историей начала единения самодержавного царя с землей» лишь когда «минует военная гроза» и «уляжется смута» (Мирный труд 1905: 183). Под этим адресом подписались: сотрудник прежних славянофильских изданий Н. М. Павлов, братья С. Д. и А. Д. Самарины, а также Д. А. Хомяков. Его брат Н. А. Хомяков поддержал проект адреса либеральной части собрания, а в 1906 г. стал одним из основателей «Союза 17 октября».

Среди монархистов, которые в 1905 г. или позднее отстаивали идею Земского собора, были С. Н. Сыромятников, Г. А. Щечков, А. Н. Григоров... Однако, чем больше замыслов будущего собора попадало в печать, тем острее были отличия, которые они демонстрировали. В это же время на страницах «Московских ведомостей» выступал против собора Грингмут. В журнале «Мирный труд» его поддерживали Н. И. Черняев и А. С. Вязигин. Разъединенность монархистов продолжала углубляться.

18 февраля 1905 г. Николай II подписал Указ Правительствующему сенату и рескрипт на имя нового министра внутренних дел А. Г. Булыгина, положившие начало созданию правительственных проектов Земского собора. Среди разработанных во властных кругах планов более всего напоминал совещательный Земский собор проект, подготовленный Булыгиным, С. Е. Крыжановским, А. Ф. Треповым и др. Вскоре правительству был представлен проект собора Киреева и еще три, поступившие от его соратников из «Отечественного союза». Сначала из всех вариантов власти предпочли булыгинский проект. Однако в октябре 1905 г. они отказались от него из-за опасения, что совещательный орган превратится в Учредительное собрание и поддержали идею Государственной думы, т. е. традиционного европейского парламента⁵. Власть боялась, что старые формы русской жизни наполнятся новым революционным содержанием, но именно это она и позволила сделать с Государственной думой.

После роспуска 3 июня 1907 г. Второй Государственной думы, Киреев и некоторые неославянофилы заявляли о необходимости возврата к проекту Булыгина. Вскоре и прежний скептик Л. А. Тихомиров выступил за совещательный Земский собор как «соединение всех государственно-национальных сил»

⁵ Подробнее о борьбе во властных кругах вокруг нескольких проектов Земского собора см.: Лукоянов 2018; Медоваров 2018.

и «высший, чрезвычайный орган царско-народного совещания» (Тихомиров 1907: 2). Однако председатель совета министров П. А. Столыпин был уверен, что отказ от однажды провозглашенной законодательной Думы приведет к революции.

В итоге, революцию провозгласили депутаты Четвертой Государственной думы. Они увидели ее в кровавом солдатском погроме 27 февраля 1917 г. и тем самым положили начало разрушению государственного строя.

* * *

После смерти в 1860 г. А. С. Хомякова и К. С. Аксакова, первых апологетов идеи совещательного Земского собора, следующие три десятилетия она жила лишь в мечтах немногих ее сторонников. Тем не менее, быстрое распространение этой идеи в начале нового столетия показало ее жизнестойкость и востребованность.

В XIX в. одним из ключевых критериев разделения между славянофилами и консерваторами являлись их представления о власти. Именно с пониманием народа («земли») как источника власти и связано отношение славянофилов к совещательному Земскому собору. Укрепляло его и славянофильское учение о соборности Церкви. Однако в начале XX в. для целого ряда деятелей консервативного направления оказалась привлекательна идея совещательного собора как альтернативы европейскому парламенту (впрочем, иные из них искажали принципы отношений, связывавшие, по мысли славянофилов, власть, общество и народ).

Раскол, произошедший из-за отношения к собору среди русских традиционалистов, лишний раз свидетельствует: обычное определение консерваторов в целом как противников реформ себя не оправдывает и нуждается в существенной корректировке. Оказалось раздроблено и славянофильское направление, до 1886 г. имевшее своим центром газету И. С. Аксакова «Русь». Даже наиболее активные поборники собора — Киреев и Шаратов — не поддерживали между собой тесных отношений. В условиях обострения кризиса противники собора появились и между славянофилами. Их опасения, что термин Земский собор «способен породить самые нежелательные недоразумения и наделать много бед» (Лукоянов 2005: 36), подтвердили действия сторонников европейских политических институтов. Либералы и социалисты, рассуждая о Земских соборах, использовали это выражение для маскировки и пропаганды иных политических принципов.

Все это свидетельствует о чрезвычайной разобщенности русского общества. Оно и прежде не имело единого, понятного для всех языка политического дискурса (отражением чего — существование нескольких разных интерпретаций собора). В условиях нарастающего кризиса раскол между многочисленными его частями только увеличивался, они оказались не способны не только на соборное обсуждение, но и на диалог. Стали невозможны длительные политические союзы и договоренности. Слаженности действий и взаимопонима-

ния не могли достигнуть, казалось бы, самые последовательные противники грядущей революционной катастрофы.

Цензурная политика власти в отношении публикаций о совещательном Земском соборе и выбор, сделанный ею в 1905 и в 1907 г. в пользу парламента, подтверждают ее «безпочвенность», ее равнодушие к традиционалистским ценностям.

Тем не менее, политическая борьба в России 1905–1917 гг. не дискредитировала идеи Земского собора. О ее дальнейшей востребованности свидетельствуют политическая практика и публицистика. Идея собора продвигалась в 1919 г. сибирскими областниками, а в 1922 г. воплотилась в Приамурском Земском соборе. Она развивалась мыслителями Русского зарубежья, такими как И. А. Ильин и И. Л. Солоневич. Она стала предметом обсуждения в России рубежа XX–XXI вв., когда к ней обратились не только наследники идей традиционалистов начала XX в., но и представители власти (Хасбулатов 1993) и те, кто снова отождествлял собор с Учредительным собранием (Невинный 1993).

ЛИТЕРАТУРА

- Бадалян Д. А. 2012. Понятие конституция в России XVIII—XIX веков: от «постановления сейма» и «узаконения» к «венчанию здания» и «правовому порядку» // *«Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода*. В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение. С. 151–174.
- Бадалян Д. А. 2018. Понятие «Земский собор» и представления о власти в России XIX века: от Карамзина до Степняка-Кравчинского // *Тетради по консерватизму*. № 4. С. 140–155.
- Бадалян Д. А. 2019. «Земский собор» в XIX — начале XX века: история понятия // *Исторический опыт Земских соборов и систематизации законодательства в России*. СПб.: Президентская библиотека. Серия «Историческое правоведение». Вып. 7 // Электронный ресурс: <<https://www.prlib.ru/item/1283692>> С. 121–139.
- Богданович А. В. 1990. *Три последних самодержца. Дневник*. М.: Новости.
- Витте С. Ю. 1994. *Воспоминания*. Т. 2. Таллин: Скиф Алекс.
- Витте С. Ю. 1994а. Князь В. П. Мещерский // *Воспоминания*. Т. 3. Таллин: Скиф Алекс. С. 544–562.
- Вишняк М. В. 2010. *Всероссийское учредительное собрание*. М.: РОССПЭН.
- Ганелин Р. Ш. 1991. *Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция*. СПб.: Наука.
- Говоруха-Отрок Ю. Н. 1890. Ю. Г. По поводу брошюры А. А. Киреева // *Московские ведомости*. 28 января. С. 3–4.
- Говоруха-Отрок Ю. Н. 1890а. Ю. Г. Ответ Д. Ф. Самарину // *Московские ведомости*. 4 марта. С. 5.
- Грингмут В. А. 1890. Spectator. Текущие вопросы международной политики. IV. Наши братья // *Русское обозрение*. № 7. С. 372–384.
- Грингмут В. А. 1890а. Spectator. Текущие вопросы международной политики. VI. Россия и европейские союзы // *Русское обозрение*. № 10. С. 873–886.
- Динерштейн Е. А. 1998. А. С. Суворин. *Человек, сделавший карьеру*. М.: РОСПЭН.

- Иов, иеромонах (Чернышев И. А.). 2017. Европейский парламент или Земский собор: анализ мнений церковных иерархов о задачах Государственной думы Российской империи // *Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX — начала XX вв.* Череповец: ЧГУ. С. 132–136.
- Киреев А. А. 1890. *Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьеву.* СПб.: Русско-славянский книжный склад. С. 18–19.
- Киреев А. А. 1903. *Россия в начале XX века.* СПб.: Тип. А. С. Суворина.
- Колесникова Е. А. 2018. Земские соборы // *Российская историческая энциклопедия.* Т. 6. М.: ОЛМА Медиа Групп. С. 459.
- Лопухин А. А. 1923. *Отрывки из воспоминания (по поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте).* М.; Пг.
- Лукоянов И. В. (публикация) 2005. Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина // *Нестор.* № 3. С. 11–103.
- Лукоянов И. В. 2018. 1905 год и Земский собор // *Тетради по консерватизму.* № 4. С. 156–166.
- Медоваров М. В. 2013. А. А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород.
- Медоваров М. В. 2015. Земский собор как идея: звездный час и уход в небытие // *Русская Idea: Сайт консервативной политической мысли* // Электронный ресурс: <<https://politconservatism.ru/prognosis/zemskiy-sobor-kak-ideya-zvezdnyu-chas-ikhod-v-nebytie>>.
- Медоваров М. В. 2018. Идея земского собора и трансформации русского консерватизма (1890–1917 гг.) // *Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции.* СПб.: Нестор-История. С. 269–273.
- Мещерский В. П. 1883. Письма консерватора // *Гражданин.* 13 марта. С. 1–4.
- Мирный труд. 1905. Самаринская записка. №. 2. С. 182–193.
- Назаров В. Д. 2008. Земские соборы // *Большая Российская энциклопедия.* Т. 10. М.: Большая российская энциклопедия. С. 445–447.
- Невинный П. 1993. Нужен новый Земский Собор. Нынешняя государственная система в России незаконна // *Независимая газета.* 14 января. С. 5.
- Нефедов С. А. 2015. Великая провокация 9 января 1905 года // *Новый мир.* № 1. С. 153–166.
- Самарин Д. Ф. 1890. Поборник вселенской правды. Культ Иоанна Грозного // *Новое время.* 28 февраля. С. 2–3.
- Суворин А. С. 1999. *Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* London: Garnett press; М.: Независимая газета.
- Суворин А. С. 2005. *Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908).* М.: Алгоритм.
- Тихомиров Л. А. 1907. Самодержавие и народное представительство // *Московские ведомости.* 2 ноября. С. 1–2.
- Хасбулатов Р. И. 1993. Земский Собор // *Советская Россия.* 19 июня. С. 1–2; 22 июня. С. 1–2; 24 июня. С. 1–2.
- Шарапов С. Ф. 1899. *Самодержавие и самоуправление.* Берлин: Ф. Готгейнер, тип. П. Станкевича.
- Шарапов С. Ф. 1905. *Опыт русской политической программы.* М.: Т-во типо-литографии И. М. Машистова.